

РУССКИЕ ТАЛАНТЫ

Грузовик с грохотом влетает на большак. Еще поворот — и Александровка, знаменитое русское село, прославленное песнями.

— Здесь и сейчас все поют, — говорит мне шофер Володя, — талантливый народ.

Сам Володя родом из Чиглы, где тоже все певцы, где когда-то и его бабушка была неперменной певуньей на всех свадьбах и посиделках, да и мать до сих пор всю душу свою в песню вкладывает. Вот только Володя пошел по технической части, дорожный техникум кончает, а петь... это уж, извините, голос не вышел. Правда, на сцене все-таки выступает, когда в пьесе какую-нибудь роль дадут или стихи прочитать попросят. Если уж говорить по секрету, и сам немного сочиняет. Но это так, для себя.

— Так что, если писать о талантах, то я тут ни при чем. А вообще, места наши замечательными людьми богаты. И откуда только они берутся, таланты? Читали, небось, такие стихи:

Таланты русские, откуда вы беретесь?
Оттуда, где весной, припав к березе,
Не зная еще этому цены,
Пьют сок земли российской пацаны...
И летом, благодатным красным летом,
Когда проходят с туесками лесом,
То силу им через ступни босые
Передают их мать — земля России.

Володя во весь голос выпаливает эти, слышанные мной когда-то строки, и на лице его появляется то целомудренно-восторженное выражение, которое всегда бывает у русского человека, когда речь идет о чем-то большом и значительном, о чем-то сокровенном и до боли родимом.

Я смотрю на Володю и думаю, может быть, именно такое выражение лица было и у сына александровского дьячка Митрофана Пятницкого, когда он слушал то задумчиво-грустные, то искрометно-озорные песни в исполнении простых крестьян-земляков, этих настоящих самородков, ревностных хранителей народной песенной культуры...

— Машенька, спой, душа моя, еще что-нибудь!
— Да что ж тебе спеть еще, милый! Ужо все песни мы с тобой пропели, все ты их в книжечку записал.

— Ну, спой что-нибудь.
И Мария Бабкина — высокая, молодая женщи-

на, с пронзительно-синими глазами теребит в раздумье концы пуховой бобровской шали, потом смотрит на Митрофана Ефимовича и, как бы нехотя, начинает:

Уж ты, сад, ты мой сад,
Сад зелененький...

Но вот она уже не поет, а живет песней, и Пятницкому кажется, что прислонилась к окну женщина, смотрит в окно на осенние, облетевшие под ветром и дождем деревья и горько жалуется кому-то на то, что снова осень, что все еще нет милрого по сердцу дружка, а годы идут, нет, не идут, а летят, как эти порыжелые от зноя листья:

Ты зачем рано цветешь,
Осыпашься?

Течет песня тихим ручейком. Но вот ручеек все звончее и серебристей — и он уже не ручеек, а река: это вступил в пение Митрофан Ефимович. Его высокий баритон, ровный во всем широком диапазоне, ведет песню куда-то ввысь, по невидимым ступеням. Наверное, так извечно пели в Александровке — с «охами», «эхами», перерывами, с местной воронежской фонетикой: «Эх, да забалела у меня, братцы, головушка».

Когда-то Митрофана Пятницкого привлекала карьера оперного певца, и деревенский парень подался в столицу, хотел поступить в консерваторию. Его готовил профессор Эверарди, талантливый человек, чутко улавливающий в других незаурядное дарование. Однажды, когда Пятницкому показалось, что он в классе один, юноша запел старинную, еще от бабушки Арины Колобаевой услышанную «Браженьку», в класс порывисто влетел Эверарди.

— Батенька мой, да вы же истинно русский мужик, и школа у вас своя, родная! Учитесь вам, конечно, нужно, но не совсем тому, чему я вас учу.

Может быть, этот случай навсегда определил дальнейшую судьбу Пятницкого, и когда зимой 1911 года на улицах Москвы появились афиши, извещавшие о «концерте М. Е. Пятницкого с крестьянами Воронежской, Рязанской и Смоленской губерний» и зазвучали старинные русские песни в задушевном и поэтичном исполнении народных певцов, для друзей Митрофана Ефимовича это уже не было неожиданностью.

Под сводами московского зала звучит трехголосая «Полоса моя, полосынька». Ее беспрерывно грустная мелодия, излагаемая женскими голосами, поддержанная жалейками, заставляет сидящих в креслах почувствовать себя не в чуждой аудитории с высокими, узкими окнами и огромной барочной люстрой, свисающей с потолка, а прямо в поле, под жарким июльским солнцем.

Высоко в небе парит жаворонок. Сенокосная пора. Усталый человек смотрит в небо и заскорузлой, черной от земли ладонью вытирает со лба соленый крестьянский пот.

Песня кончается. Ее последние слова тонут в громе аплодисментов.

На сцену прямо из зала врывается взволнованный человек. Он могучего телосложения, с крупными, как из камня высеченными, чертами лица. Он идет навстречу смущенному, растерянному Митрофану Ефимовичу.

— Голубчик, браво, браво! — басит он, слегка окая. — Потешили русскую душу. А какие голоса, какое охотнее песенное действо! Как все это по-нашему, по-русски!

— Боюсь, перехвалили вы нас, Федор Иванович, — скромно отвечает Шалыпину Пятницкий.

Он стоит сейчас рядом с прославленным певцом, а зал стоя рукоплещет двум русским талантам, двум выходцам из народа, истинным самородкам нашей земли...

Но жизнь — не праздник. И значение концертов крестьянского хора было понятно лишь немногим ценителям музыки. Подлинная слава пришла к никому неведомым певцам из «медвежьих углов» только после очистительной грозы семнадцатого года, когда слушателем народного хора стал сам народ.

Далеко, во все пределы земли летят теперь голоса русских певцов. Им аплодирует Прага и Варшава, Париж и Токио, Нью-Йорк и Лондон. И добрым, благодарным словом вспоминают люди сына александровского дьячка, страстного пропагандиста нашей национальной, отечественной культуры.

Изменилось село Александровка. Ныне в церкви, где пел когда-то отец Митрофана Ефимовича, устроен сельский клуб. Но и это здание непригодно — и вот неподалеку высятся корпус нового клуба, который скоро вступит в строй. Изменились люди. Иные песни поют они теперь. Это здесь, в Александровке, впервые вспыхнули ставшие потом известными на всю страну припевки:

Мы про новую деревню
Песню новую поем,
Нету старого в помине,
Всюду радостно живем.

Новое время — новые песни. Но бережно, как самое дорогое, охраняется людьми старая песенная культура, чистота и звучность лирических мелодий, родниковая свежесть народного творчества.

Очень способствовало этому второе поколение носителей народной песни во главе с Анастасией Родионовной Лебедевой.

Она была высокой статной женщиной с прямой походкой. И насколько славилась своей красотой Анастасия Родионовна, настолько же известна была она как лучшая на селе певунья, унаследовавшая еще от матери мягкий грудной голос, чуткий музыкальный слух и подлинно артистичную манеру исполнения.

В 1929 году художественный руководитель хора имени Пятницкого П. М. Казьмин пригласил ее вместе с несколькими подругами в Москву.

— Пойте, как умеете, — сказал он им. — Пойте, как у себя на завалинке и в хороводе поете.

Оробевшие сначала подруги уверенно запели свою «Плоть бережка крутого», потом «Хорошенький, молоденький», потом «Про новую деревню», потом...

Потом нередко приезжали александровские певуньи в Москву и пели вместе с прославленными хористами. Они-то и стали ядром самодеятельного колхозного хора.

Руководила им Анастасия Родионовна. И слава хора гремела. Сейчас во многих избах висят в почетном углу похвальные грамоты Верховного Совета РСФСР. Лаконичен их текст: «За заслуги в развитии советского искусства». Но разве не кроется за этими словами та высочайшая оценка творчеству истинно народному, массовому, самодеятельному!

И старые, и молодые жители Александровки — настоящие хранители русского песенного богатства.

С детства пристрастились к пению Варвара Федоровна Полова, Матрена Михайловна Хромых и Мария Васильевна Акимова. Бывало, руки гудят после трудной работы, да и ночь на дворе — спать пора, а подруги чуть ли не до самых петухов поют свои любимые песни — и те, которые давно звенели в Александровке, и те, которые сами сложили...

Расширился, обогатился старинный хор и новыми силами, и новым репертуаром. Славные традиции александровских певцов подхватила молодежь.

Вот Петр Долгушин, двадцатидевятилетний заведующий сельским клубом. Когда-то уехал он из родного села, в Воронеж работал. Нравилось Петру в городе — и работа хорошая, и зарплата приличная. Но вот душа по родным песенным ме-

стам истосковалась. И не выдержал Петр — вернулся. В селе знают его как на все руки умельца. Он и велосипед починит, и раму для окна свяжет. Шифоньер и книжный шкаф, которые стоят в доме Долгушиных, не фабричные, а самодельные. На стенах висят писанные маслом картины Петра. И как его мать, Наталья Васильевна, он поет в хоре. Это о нем, о Долгушине, сказал как-то с восхищением старейший певец Василий Тихонович Буздалин: «У него песня внутри живет».

Как справедливы эти слова по отношению и к Сае Соколову, выпускнику Бобровского культурно-просветительского острька и способному баянисту, и к Насте Малаховой, веселой голосистой колхознице, и к Алексею Крутову, застенчивому, немногословному парню, который поет так, что и у самых строгих ценителей песни пользуется очень большой популярностью.

Неистощимы таланты на родине Пятницкого. Живет в народе любовь к высокому, светлому, ко всему тому, что именуется искусством.

Мы уезжаем из Александровки. Володя сидит за баранкой и долгим, пристальным взглядом глядит на бесконечную серую ленту дорог.

— Наверное, земля здесь такая, что ли, — говорит шофер, — на таланты урожайная.

Да! Такая здесь земля. Она и впрямь дает людям живую, творческую силу. Да и как не запеть, глядя на эти бескрайние поля, которые сейчас жадно дышат, впитывая влагу, воздух, набираясь сил для роста. Над лесными полосами занимается багряная закатная зорька, шелестит ласковый, неспокойный ветерок, длинные, зыбкие тени плывут по земле. Где-то вдаль загораются первые огоньки, вспыхивают первые песни.

А Володя улыбается, глядя на убегающую под колеса дорогу, и упоенно декламирует:

Какие б годы ни прошли суровые,
Из вас, поля, из вас, леса густые,
К нам будут приходить таланты новые,
И это вечно, как сама Россия.
...Грузовик влетает на большак.

Олег ШЕВЧЕНКО.

Таловский район.

Коммуна 3 стр.

Пятница, 19 июня 1964 г.